

Ленинград 2 Авг 1931
(Политбюро и Ленинград)
**К СОЖАЛЕНИЮ
ВСЕ О ТОМ ЖЕ**

«Опять о сатире? Но ведь это страшно старо!» Старо, товарищ читатель, очень старо и — вместе с тем — очень свежо. И до тех пор свежо будет, пока вы, придя в театр и узнав, что вам обещают показать настоящий революционный сатирический спектакль, не разочаруетесь очередной раз в ваших ожиданиях, не убедитесь в том, что вас обманули, а действительно увидите именно то, чего ждали.

Нельзя не отметить, правда, что наши сатирические театры стараются «говорить» как можно меньше.

Театр Сатиры обрадовал было прекрасным почином — устроил дискуссионный клуб, в стенах которого решено было последовательно обсуждать и порорабатывать насущные проблемы творческого метода революционной сатиры. Но, увы, дело ограничилось только «судом» над Рыссом и Воеводиным, после каковой «комедии правосудия» Театр Сатиры преспокойно занялся безопасными вопросами «международной политики». И то сказать, высмеивать пафистов и кардиналов куда легче, чем решать проблемы творческого метода!

Не любят наши «малые» театры больших дискуссий!

Между тем, надо ли кому-нибудь доказывать, как то сейчас важно и необходимо?

Ведь руководители Театра Сатиры — и это надо отметить с самой положительной стороны — говоря о пьесах Рысса и Воеводина, правильно подчеркнули, что пороки этих молодых драматургов и театра, который шел с ними по одному пути, вырастают главным образом на почве *порочного творческого метода*, не имеющего или почти ничего общего не имеющего с методом революционной сатиры.

— Порочный творческий метод? Ничего или почти ничего?

Все это прежде всего — дискуссионно и требует решительной проверки, детального обсуждения.

Подлинный творческий метод советской сатиры выработается не только в процессе практической работы театра, но и в процессе жесточайших дискуссионных схваток, которые поднимут проблему творческого метода на должную принципиальную высоту и помогут наконец правильной теории осветить подчас ошибочную художественную практику.

Где же эти дискуссии?

Нет их.

И не может быть до тех пор, пока театром надо о них напоминать, а сами театры бродят в лесу пасивных «предположений на буду-

«путем наименьшего сопротивления», дав просто «разговорный спектакль». Так проблема метода с величайшим легкомыслием подменяется проблемой жанров! Все это звучит особенно пикантно и выразительно, если вспомнить, что в качестве страшно революционного «эксперимента» театр демонстрировал танцевальные интермедии Лариссы Скробовой под «советские фокстроты» композитора Ксентицкого.

Смешон только тов. Сурин, который, вместо того, чтобы честно и прямо сознаться в порочных *идейно-творческих* установках театра, ссылается на мало вразумительный «эксперимент» и прячется за балетину.

Непонятны, впрочем, громы и бури представителей секции малых форм Всероскомдрама, обрушившихся на Театр Малых форм *только после того*, как последний спе-

такль этого театра с величайшим треском провалился. *Только тогда* товарищи заговорили о порочном методе театра, о том, что *последний* провал — отнюдь не случайность, но роковая необходимость, которая не могла не произойти, ибо все «идейно-творческие предпосылки» онного провала уже давно можно было предполагать и предвидеть.

Но если это можно было сделать давно, то почему же этого не делалось?

Пусть меня товарищи извинят, но мне кажется, что я не буду далеко от истины, если скажу, что секция малых форм Всероскомдрама в провале Театра Малых Форм виновата не меньше, чем руководители театра и его актерский коллектив. Секция малых форм должна была *первая* заговорить о том, что только в борьбе за действительно революционный творческий метод — Театр Малых Форм сумеет выйти на правильную художественную и политическую дорогу. Секция малых форм должна была *возглавить* эту борьбу. Но секция малых форм пребывала в успокоительной тишине до тех пор, пока гром не грянул, а Театр Малых Форм не провалился с очевидностью, которая никаких сомнений в дальнейшей судьбе — печальной судьбе! — театра не вызывает.

Этот урок должен стать, наконец, поучительным.

ЗЕЛ. ШТЕЙНМАН

шее», отделяваясь от настоящего декларациями и заявлениями, которые на практике гроша ломаного не стоят.

Да еще хорошо, если декларациями!

Хуже, если это будет так, как случилось в Театре Малых Форм, ответственный руководитель которого — Нестор Сурин — заявил, что провал последней постановки театра объясняется главным образом тем, что театр решил отказаться от обычного — свойственного ему — «экспериментаторства» — и пошел